

И вот, после пятнадцати-примерно-летне-го пропуска я повез в Эстонию своих юную жену и не менее юного сына. Переполненный романтическими воспоминаниями, я водил их по всем известным туристическим местам и беспрерывно «щелкал». Простите, что повторяю некоторые мысли из «Темы» текущего номера, но я всегда и прекрасно отдавал себе отчет в том, что, приехав в какое-нибудь знаменитое место, довольно бессмысленно делать «открыточные» кадры: они уже сделаны до меня и, скорее всего, много лучше, ибо фотографы, которые делали их по заказу, располагали и большим временем, и специальной, часто не портативной аппаратурой. Сделаны, отпечатаны на открытках и в альбомах большими тиражами — и вот, оглянись только, можно любой из них незадорого купить. Конечно, всегда остаются шансы даже в «открытке» сделать что-то уникальное, ибо уникален каждый миг, каждое сочетание света и плотности воздуха, но шансы эти все равно близки к нулю, а уникальность может оказаться незаметной даже самому автору. И я всякий раз пытаюсь бить себя по рукам, увидев очередной «открыточный» сюжет, не нажимать на спусковую кнопку, однако человек слаб, и лично мне удается это очень и очень не всегда.

Итак, получив от редактора собственный кадр-задание, я открыл эстонский альбом и обнаружил его в плотном окружении «открыток»: византийского стиля, вываливающийся из средневеково-европейского окружения русский собор Александра Невского, интерьер Домского собора с органом, узенькая улочка, отчасти — выкрашенная, отчасти — по-прежнему, по-советски, облупившаяся, крыши старого города с Тоомпеа (Вышгорода), башенка ратуши со Старым Томасом в качестве флюгера на фоне модных небоскребов, появившихся в Таллине за

время моего там отсутствия... Чуть дальше шел снимок современного граффити со словечком «СССР» — свидетельство политических брожений, в остальном в Таллине 2002-го года практически незаметных, и снова — узкие улочки, башенки, черепичные крыши... То есть снимок, выбранный Игорем, и впрямь не имел практически никакого отношения к тем, что окружали его, то есть — ни к туризму, ни к политике. А к чему же тогда? Наверное, что называется, к чистому искусству. И я подумал, что это полбеда, что не удастся остановить руку при виде «открытки», — беда, когда только эти открытки и вызывают желание нажать на спуск. Когда же параллельно с «открыточным» зрением, которое истребляет в себе до конца способны только немногие, сильные духом фотографы, — остается и видение линий, плоскостей, цветовых сочетаний, в общем виде — игры света, — потеряны еще не все.

Может быть, даже чисто сюжетно, в этом снимке отражено больше Таллина 2002-го года, чем во всех окружающих его «открытках» и «плакатах»: и короткая надпись на не вдруг понятном знаке, и облупившаяся со старой кирпичной кладки штукатурка внизу, рядом с кустами сорной травы, и зеленая сетка ремонта (обновления?), и, наконец, кованая консоль со стилизованным фонарем, в котором, в отличие от подобных питерских, не выбито ни одного стекла.

В чисто же изобразительном смысле ключ здесь — плоскость. Грязно-бежевая плоскость, составленная воедино из двух, находящихся на разном расстоянии от объектива, но, в силу колористической однородности, невзирая на разницу фактур, остающаяся цельной. Плоскость, перерезанная вдоль серовато-зеленой полосой (плоскостью!) умеренной ширины (она перерезает, но и склеивает две плоскости в одну, за счет своего цвета иллюзорно выдвигаясь ближе пе-

реднего плана, хоть этой иллюзии изо всех сил и противоречит фонарь!), которая создавала бы несколько, возможно, унылое ощущение, если б не красно-белые ленты ограждения, рифмующиеся с узенькой, неполной полоской красного кирпича. Темно-зеленая диагональ, создаваемая ветками старого дерева и кустами сорной травы, пересекающая светло-серовато-зеленую сетку, которая, конечно, ничего, кроме гладкой стены, за собой не скрывает. Но вдруг?

Если угодно — концепция фрески. Которой жить больше нигде, как на стене.

А плоскость — это всегда самоограничение, запрет невообразимых возможностей глубины (в том числе — глубины резкости). И если удастся построить, что называется, «храм на острие иглы» (это я не о своем снимке, а о принципе) — победа одержана двойная, если не в квадрате! Плоскость — при сотне возможностей ее разрушить, от которых ты намеренно отказываешься, — это всегда и загадка, и парадокс.

Что же касается фотографических деталей — они тут почти ни при чем. Штатный встроенный объектив Olympus'a E20 на среднем фокусе, 100 единиц ISO. Может быть, единственная техническая деталь: удалось выставить диафрагму так, чтобы, с одной стороны, дальняя часть плоскости была чуть (важно, это «чуть») размыта по сравнению с ближней, с другой — чтобы эта неравная резкость не разбивала цельность однотональной плоскости.

А чтобы не только словами, но и графически прояснить мысли первой части этой моей колонки, про «открытки», я буду просить Игоря, чтобы он сверстал внизу всю строчку моего эстонского альбома как бы для иллюстрации великих ахматовских стихов:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

Евгений КОЗЛОВСКИЙ

